Биография в фотографиях

Владимир Львович Файнберг

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Файнберг
  - К читателю
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Владимир Файнберг
Биография в фотографиях

К читателю

Не только о себе я рассказываю в этой книге, но и о нас с тобой, читатель.

— Как же так? – спросите вы. – Здесь полно фотографий, не имеющих ко мне никакого отношения!

Это не совсем так.

С течением лет во мне постепенно возникло понимание неразделимости человеческих судеб, кровного родства всех людей. Недаром индусы вывели глубочайшую формулу: я – ты. Недаром христианство обращается ко всем людям – «Братья и сёстры».

Что происходит со мной, происходит и с вами. И наоборот. Что происходит с вами, происходит и со мной.

Внешние различия при внимательном взгляде лишь подчёркивают то, что называют общей судьбой.

1

Там пригревает солнце. Южное солнце конца марта. Там морской причал с недостроенной металлической вышкой на самом конце.

Я стою, прислонясь спиной и затылком к чуть нагретому металлу. Мне двадцать с чем–то лет. Солнце и море слепят глаза. Где–то далеко за искрящейся синью Турция.

Чтобы меня сфотографировать, кто–то должен же был стоять

впереди. Но там причал обрывался, больше не было места.

…Возникшая загадочным образом любительская фотография, запечатлевшая меня таким, каким я вопреки возрасту чувствую себя до сих пор.

2

Чем дольше идёт время жизни, тем резче нарастает во мне нелепое, ничем не объяснимое чувство вины. Ведь люди, изображенные на этой выцветшей, дореволюционной фотографии, не смогли бы меня ни в чем упрекнуть. Они не ведали, что я буду обязан им своим существованием.

Ни мой дед со стороны матери, ни его жена, которая барыней стоит у его правого плеча, конечно, помыслить не могли о том,

что через столетие кто–то будет поминать их. Да ещё с чувством вины. А быть может, надеялись, что память о них не исчезнет, как исчезают круги на воде…

Деда звали Анатолий. Это легко выясняется по отчеству моей мамы – Беллы Анатольевны. Её на этом снимке нет. Имени моей бабушки я не помню. Хотя четырёхлетним успел увидеть её в Днепропетровске – грузную, испугавшую меня старуху.

…Они стоят на крыльце дачи вместе с какими–то родственниками. Затвор фотоаппарата щёлкает, запечатлевая их в последнее лето XIX века.

Ещё живы Толстой и Чехов. Бедствует, ночуя на полу в чужих подъездах, Пиросмани…

В своей книге «Навстречу Нике» я рассказал то немногое, что успел узнать от мамы о деде, о том, как его отравили стрихнином в самом начале Первой мировой войны. Больше ничего не удосужился узнать об этих людях. Чья кровь гудит в моих жилах.

3

Вот–вот тронется со двора лошадь, заскрипят по снегу полозья саночек, где сидят гимназистки. Последней – моя будущая мама. Белла.

Судя по надписи на обороте, фотография сделана в декабре 1917 года. Следовательно, маме пятнадцать лет.

…Два месяца назад произошла Октябрьская революция – «главное событие XX века», как объясняла потом советская пропаганда.

Тронутся саночки…

Бедная моя безотцовщина, зябко приткнувшаяся к подружкам, что у тебя впереди?

Я–то знаю, а ты нет.

4

Как прошла мамина ранняя юность, что происходило за девять лет? Мне не осталось ни её воспоминаний, ни одного снимка за эти долгие годы Гражданской войны, «военного коммунизма».

Знаю только, что какое–то время, чтобы не умереть от голода, работала в мастерской по изготовлению пуговиц.

Видела на улицах больных, умирающих от истощения детей. И решила во что бы то ни стало стать детским врачом.

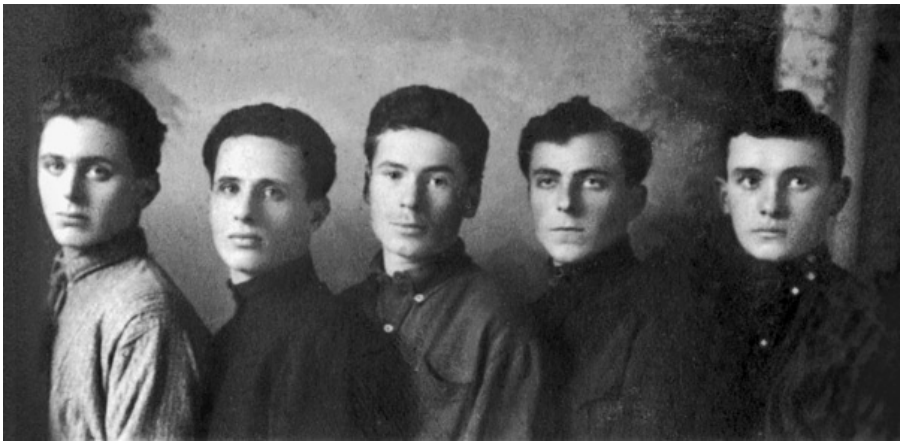
1926 год. Маме двадцать четыре. Она – студентка Днепропетровского медицинского института.

Стоит первая слева с сокурсницами на групповом снимке. Человек за столиком – профессор Руднев, о котором она будет всю жизнь хранить благодарную память.

5

Хватило денег впервые зайти к профессиональному фотографу. Снялась с подругой. Доверчиво прильнула к ней. Обе – будущие детские доктора.

…Не видно теперь таких чистых, открытых девичьих лиц.



Тем временем в украинском городе Нежине, в семье уличного сапожника рос мой будущий отец.

Его родители ни разу не были запечатлены фотоаппаратом. Ни одного документа, ни одной вещицы от них не осталось. Бесследно канувшая в вечность жизнь предков меня в своё время странным образом совершенно не интересовала, а отец не любил предаваться воспоминаниям.

Каким папа был мальчиком, юношей представить себе не могу.

Впервые вижу его на этой фотографии 1926 года. Здесь он уже двадцатичетырёхлетний студент Московского текстильного института.

Стоит первым в шеренге сокурсников. Повернув голову в сторону объектива, смотрит в грядущее, где через несколько лет встретит ровесницу – мою будущую маму.

7

Получив высшее образование, они за несколько лет удивительно изменились, выглядят очень взрослыми.

Вот инженер–текстильщик, направленный работать на подмосковную ткацкую фабрику.

Вот детский врач, получившая распределение в украинское село Селидовку.

И надо же так случиться – о, детектив жизни! – что летом 1929 года каждый из них впервые получает путёвку в Абхазию, в один и тот же дом отдыха!

На этой фотографии они снялись в большой группе отдыхающих, ещё незнакомые друг с другом. Отец высится сзади, почти заслоненный другими людьми. Загорелая мама чуть выдвинута вперёд. На ней замысловатое летнее одеяние с бретельками и бантом.

Их разделяют пять человек. Они ещё не вместе, но уже близко.

В начале мая 1930 года, готовый появиться на свет, я ещё находился в маме. Примерно за две недели до родов они с отцом сфотографировались.

Как поженились, как отцу удалось перевезти маму в Москву, мне потом не рассказывали.

Такое впечатление, что, ожидая ребёнка, они полны надежд.

Родившийся человек сам для себя всё равно что не существует. Его как бы ещё нет. Он – беспамятная кукла в руках взрослых.

Здесь мне пять недель. Заботливой рукой мамы так написано на обороте фотографии.

Взгляд настороженный. Мол, куда это меня занесло, что со мной будет?

Очень скоро узнаю! Через два с половиной месяца.

В конце лета того же 1930 года в Москве и области разразилась эпидемия полиомиелита – детского паралича. Обязательная теперь прививка каждого младенца отсутствовала. Соответствующая вакцина ещё не была изобретена.

Маму, как детского врача, несмотря на то что у неё был грудной ребёнок, срочно направили на борьбу с этой страшной болезнью.

И надо же было так случиться: я заразился. У меня, трёхмесячного, парализовало правую руку и правую ногу.

С этого времени мама много лет терзалась чувством вины, таскала меня на руках по профессорам, массажам, электрофорезам, евпаторийским грязям. Несчастье свалилось на неё и отца. Я же, к счастью, был настолько мал, что ничего не соображал. Вот мне уже пять месяцев. На снимке пока не видно никаких примет болезни.

Но взгляд всё такой же. Настороженный. Люди в белых халатах порой делают больно – массаж, уколы…

К тому времени, когда мне исполнился год, правая рука в результате усилий врачей и мамы восстановилась. А вот нога начала отставать в росте. Впоследствии укорочение достигло 7 сантиметров. И я на всю жизнь остался инвалидом. Пока был маленьким, долго носили на руках.

Родителям нужно было работать. Появились няни. Одна за другой. От перемены лиц я несколько шалел. Именно с этих пор начинаю помнить себя.

Как и во многих других семьях, мама завела обычай фотографировать своё чадо в день рождения.

Здесь мне уже два года, маме – тридцать лет. Рядом – няня.

Читатель, перелистывающий эти страницы, тоже когда–то был маленьким человеком. Его тоже носили на руках, заботились о нём так, как потом никто никогда не заботился. Проходит время. Мы становимся взрослыми. Умирают родители. А память о нежных тёплых руках, поддерживающих тебя, бережно вносящих в мир, не исчезает…

Мне три года. Любящие родители оберегают, жалеют. Мы живём на верхнем этаже двухэтажного деревянного домика во Втором Лавровском переулке Москвы, похожем на деревенскую улицу.

Зимой, вернувшись с работы, папа приносит со двора из нашего сарая мёрзлые охапки дров.

Вместе растапливаем печку.

Тепло в двух маленьких комнатах держится ночь и весь день.

С утра родители вынуждены оставлять меня одного. Потому что в эту зиму у нас нет няни.

Иногда забегают соседки присмотреть за мной, проверить, поел ли я то, что перед уходом на работу приготовила мама.

Бесконечны зимние дни, проведенные в одиночестве среди игрушек и детских книжек… От этого одиночества очень рано выучился по складам читать.

А вот улыбаться ещё не научился.

15

Смутно помню, что она появилась откуда–то с Украины, где исчез хлеб и люди сплошь умирали от голода. Звали её Оля.

Она прожила у нас год, исполняя обязанности моей няни.

Родители учили её читать, писать, арифметике. После чего мама устроила Олю на курсы медсестёр.

Впоследствии Оля погибла на фронте во время Отечественной войны.

Наконец–то на четвёртом году жизни научился улыбаться. Однажды к нам приехал в командировку из Харькова папин родной брат, которого я полюбил. С его появлением нарушилось обычное течение будней. С тех пор обожаю, когда приезжают гости.

Тут уж я улыбаюсь, как говорится, до ушей. Ещё бы, дворовое братство приняло меня в свою компанию!

Сижу в кепаре второй справа в первом ряду. И снимает всех нас не кто–нибудь, а мой папа, который на фабричную премию приобрёл аппарат «Фотокор»!

18

К пяти годам, несмотря на инвалидство, подначиваемый дворовой братвой, я стал шалуном.

Был допущен к играм в ножички, расшибец, отмерялы, лапту. Даже стоял вратарём в воротах, означенных двумя кирпичами или портфелями.

Сражался с девчонками в «фанты», а с мальчишками даже в картишки – в подкидного дурака.

Возвращаясь с работы, родители насильно уводили меня со двора. Чумазого, в синяках и ссадинах.

19

Отмытого, переодетого и причёсанного отвели 19 мая 1935 года сфотографироваться в очередной день рождения.

20

Однажды завели в гости к какой–то благонравной девочке, всунули в руки игрушку – вертушку.

Сижу, неловко вытянув больную ногу. Терплю.

21

Сквозь даль времён едва различаешь на этом маленьком снимке евпаторийский ресторан «Поплавок», море, зачаленную яхту «Ниночка» и меня с родителями.

Каждую зиму они копили деньги, чтобы ежегодно возить меня летом на лечебные грязи, вроде бы очень полезные для больной ноги.

После сеансов этих проклятых грязей наградой мне было Чёрное море. Мама учила плавать. Грек–лодочник дядя Костя учил грести, ловить самодуром рыбу.

С тех пор, едва вернувшись в Москву, уже начинал считать месяцы и дни до новой встречи с морем.

Осенью мы с папой пошли в зоопарк. Навестив зверей, отдыхали на скамейке. Папа сфотографировал меня, я – папу.

Когда вижу эту скромную, объединённую фотографию, всегда с горечью думаю о том, что впоследствии, уже будучи взрослым, недодал своему отцу любви.

23

Весной коловращенье ребятни во дворе вырывалось и на улицу. Девчонки скакали на тротуаре через верёвочку, пацаны, сплёвывая и матерясь, лихо подкидывали ногой «лянгу» – клочок шерсти с куском свинчатки, поджигали прибившийся к бровке тротуара тополиный пух.

Осенью от греха подальше мама определила меня в старшую группу детсада.

Рука судьбы! Это оказался сад Литфонда – для детей писателей.

Наблюдаю в детском саду за играющими в шашки.

Примерный мальчик.

Между прочим, игры в шашки и шахматы сразу показались мне в высшей степени странным времяпровождением. Часами торчать у стола, передвигать деревяшки по деревянной доске…

Летом 1936 года детский сад вывезли в Подмосковье на дачу.

Навестил меня папа с гостинцами и фотоаппаратом. На снимке я второй слева в первом ряду. Из–под штанишек позорно выглядывает кончик трусов с резинкой. А сзади видны двое ребят с «испанками» на головах. Это такие красные пилотки с кисточками. В те годы их носили бойцы, сражавшиеся с фашистскими войсками в далёкой Испании.

Я уже знал слова «фашизм», «Гитлер», «бомбёжка»…

С тех пор Испания – моя боль и любовь.

Как же я был счастлив, когда через много лет оказался в этой стране! Словно в собственном детстве.

26

Как–то зимним воскресным утром я застал папу за странным занятием. Всклокоченный, с красными от бессонной ночи глазами, он рылся в большой картонной коробке из–под торта, где у нас хранились старые фотографии. Нервничал. Часть фотографий свалилась на пол.

В конце концов он нашел то, что искал, – групповой снимок 1929 года. Там он был снят со своими шестью сослуживцами.

Папа взял ножницы, отрезал от этого снимка больше половины, открыл дверцу топящейся печки. И бросил отрезанное в огонь.

— Зачем ты так сделал? – спросил я, держа в руке ту часть фотографии, где остались лишь папа и его товарищ.

— Они оказались врагами народа, – ответил папа.

Был 1937 год.

27

Летом того же года с родителями переехал из Ленинграда в Москву мой двоюродный брат старшеклассник.

Его звали Алик.

Хорошо помню, как был с папой у них в гостях, как Алик показывал мне свой телескоп, карты звёздного неба, коллекцию почтовых марок. Подарил книгу – «Робинзон Крузо».

Потом папа сфотографировал нас с его отцом у них во дворе.

Через четыре года началась Великая отечественная война. Десятиклассник Алик рванулся записываться в народное ополчение.

Эшелон с добровольцами до фронта не доехал. По дороге фашистская авиация разбомбила его.

28

Запечатлённое утро 1 сентября 1938 года.

Сопровождаемый двумя старшими девочками–соседками, впервые отправляюсь в школу.

Счастливый тем, что иду без родителей, не как остальные первоклашки.

Начинается взрослая жизнь!

29

Папу призвали в вооруженные силы. Ни винтовки, ни пистолета, ни даже сабли у него не было. В чине, соответствующем званию капитана, служил в Реввоенсовете, в отделе снабжения Красной Армии шинелями.

Мама к тому времени числилась майором запаса медицинской службы. Шутила: «Если мы встретимся в форме, должен будешь отдать мне честь!»

30

Каждое лето мама продолжала возить меня в Евпаторию на грязи. Нога отставала в росте, подворачивалась ступня. Не мог бегать, как другие ребята. Одноклассники дразнили – «Кочерга!»

Мама утешала меня, баловала, закармливала.

Но единственным настоящим утешением было для меня море. И чтение книг. Я стал запойным читателем. Записался в евпаторийскую детскую библиотеку, а по возвращении домой – в школьную.

При свете красного фонаря я сидел у стола рядом с папой. Смотрел на то, как сквозь раствор проявителя на фотопластинке возникает из небытия наш второй класс, наша учительница Вера Васильевна.

Волшебство!

Вот и я, девятилетний. В клетчатой рубашке. Привстал от волнения, оттого, что нас фотографирует именно мой папа.

С тех пор прошло много десятилетий. Фотография поблекла. Большинство этих мальчиков и девочек наверняка уже ушли в небытие. Тоже в некотором смысле волшебство.

32

Почти каждому в течение жизни выпадает участь попасть на операционный стол. Иногда не раз.

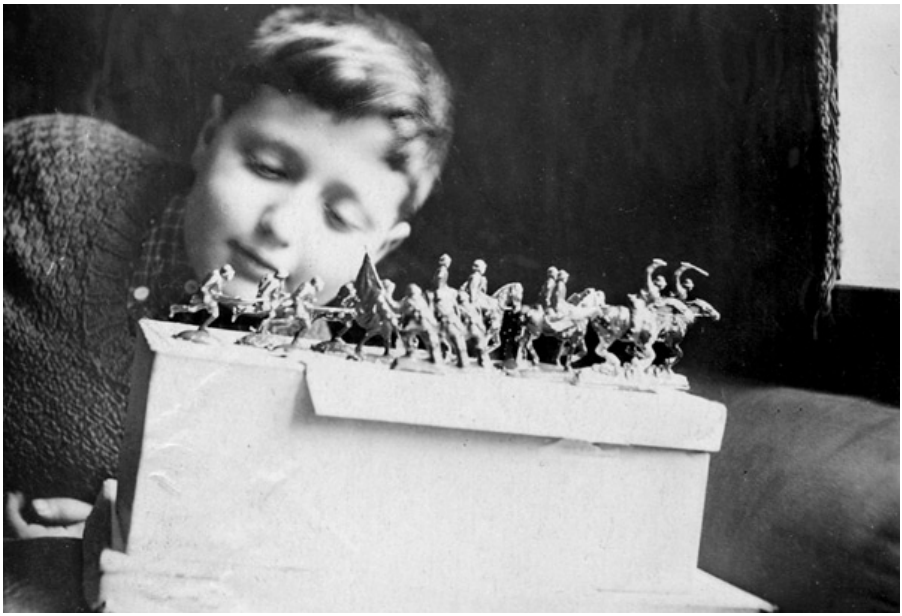
В 1940 году мне исполнилось десять лет, когда мама, постоянно обеспокоенная состоянием моей ноги, привела меня на консультацию к профессору Зацепину.

После осмотра тот сказал, что сейчас, пока я расту, необходима сложная операция. Которую осенью он сделает сам. После неё придётся несколько месяцев пролежать в больнице. А потом дома. С ногой, закованной в гипс.

Так получилось, что после визита к профессору мама привела меня к фотографу, где был сделан этот снимок.

— А как же школа, мой третий класс? – спросил я маму.

Всё лето жил приговорённый к операции. Опять разучился улыбаться.



За долгое время, пока я находился в больнице, родители обменяли две наших комнаты в деревянном доме на одну. Зато большую. Зато с паровым, а не с печным отоплением.

Из больницы меня привезли в это новое жилище –

коммуналку на улице Огарёва, где в длинный коридор выходило двенадцать комнат.

Это было самое сердце Москвы. Рядом Центральный телеграф. Совсем близко – Кремль. Летом в раскрытое окно доносился бой курантов.

Всю зиму я вынужден был пребывать на диване с ногой, закованной гипс.

Хотя школа моя оказалась теперь очень далёкой, учительница Вера Васильевна и ребята часто навещали меня, привозили домашнее задание, рассказывали о школьных новостях.

Года я не потерял. Третий класс закончил отличником. Но от неподвижности, болей в ноге не знал куда себя деть.

Родители подарили трёхтомник Брема «Жизнь животных». Вообще прочел груду книг. Сражался сам с собой в солдатики, пулял в мишень из игрушечного ружьеца, из пушечки, стрелявшей карандашами.

…Не ведая о том, что скоро коренным образом изменится моя жизнь, жизнь мамы и папы, всей страны.

XX, XX, XX – чертили римские цифры скрещения прожекторов в ночном небе над Москвой. Двадцатый век…

Беда была маме со мной, когда во время очередной воздушной тревоги нужно было быстро подняться с постели, одеться и под раздающийся из репродуктора надсадный вой сирены бежать в темноте среди толпы спасаться под землю в метро «Охотный ряд».

По дороге у меня почему–то всегда развязывались шнурки на ботинках. Мама, пригнувшись, торопливо завязывала их, а с крыш окрестных зданий по фашистским бомбардировщикам бухали зенитные орудия, и осколки снарядов шваркались на мостовую.

Немецкие войска стремительным широким фронтом от Балтики до Черного моря занимали территорию Советского Союза, подошли вплотную к Москве. Было уже не до игр в солдатики.

В первые же дни войны папа ринулся в военкомат записываться добровольцем. Но его не взяли из–за грыжи. Тогда он добился отправки на трудовой фронт – в Сибирь на лесоповал.

А в конце сентября 1941 года меня с мамой, как тысячи других, эвакуировали в Ташкент. О том, что там со мной происходило, подробно рассказано в моей книге «Навстречу Нике».

…Эта моя фотография – утверждённая фотопроба на роль юного раненого партизана в художественном фильме. Киноартистом я не сделался, во–первых, потому, что к началу съёмок ухитрился заболеть, а во–вторых, в начале 43 года маму вызвали в Москву и мы возвратились домой, в разграбленную кем–то комнату.

Это осталось запечатленным только в памяти: через ташкентский базар еду на ослике в школу; в госпитальной палате читаю тяжелораненым письма и газеты; с одноклассником Рудиком тайно собираюсь бежать на фронт.

Вернулся в Москву уже не ребёнком, а тринадцатилетним подростком. Поступив в новую, третью в жизни мужскую школу, расположенную неподалёку от дома.

Школа оказалась «образцово–показательная», руководимая директором Фёдором Фёдоровичем – орденоносным солдафоном Двоефедей. Казарменная обстановка, идиоты–учителя. Преподавательница географии, к примеру, объясняла, что в Англии живут «шерстяные овцы», а в Антарктиде обитают «пингуины». Одноклассники – преимущественно отпрыски военачальников и прочей сталинской знати, живущей в центре Москвы.

Шестой, седьмой классы – сплошь драки, издевательства над моей фамилией, моей хромотой… Каждое утро шел мимо Моссовета в школу, как на казнь. Впервые острое чувство одиночества. И это в 1945 – году, когда победили фашистов.

От отчаяния, одиночества начал писать стихи.

Летом 1946 года был помощником пионервожатого в лагере. Стою самый длинный под знаменитым лозунгом…

36

В 1947 году к нам из Днепропетровска приехала Ляля – дочь маминой сестры. Она была старше меня на три года. Нас отправили сфотографироваться.

Ляля вскоре вышла замуж, родила сына. Сын вырос, окончил школу, пошёл в армию. Однажды Ляле пришло сообщение о том, что ей отправлен гроб. С телом её мальчика.

Что с ним произошло в воинской части, ей не сообщили. От потрясения у Ляли развился диабет.

И она умерла.

37

С морем невозможно чувствовать себя одиноким.

За долгие годы соскучился по нему, писал о нём стихи. Боялся, что разучился плавать.

Плавать не разучился, добыл удочку, тягал из прибрежных волн бычков. Наплававшись, поджаривал среди пляжа на костре.

Сейчас не вспомнить, у кого тогда жил, а вот кто меня сфотографировал – помню. Это был демобилизованный после войны пожилой грузин. Чудный человек с изуродованным взрывом лицом. С тех пор отношусь ко всему поколению ветеранов той войны с преклонением и любовью.

Среди них мне не встретилось ни одного плохого человека. Это было лучшее поколение нашей страны.

38

В школе стало так мерзко, что пришлось её поменять. Всё равно учился теперь кое–как. Весь ушел в стихи.

«Я с атласом раскрытым засыпал, щекою навалившись на Урал, Во сне я шел меж сёл и городов. Цепляли ногу якоря портов…»

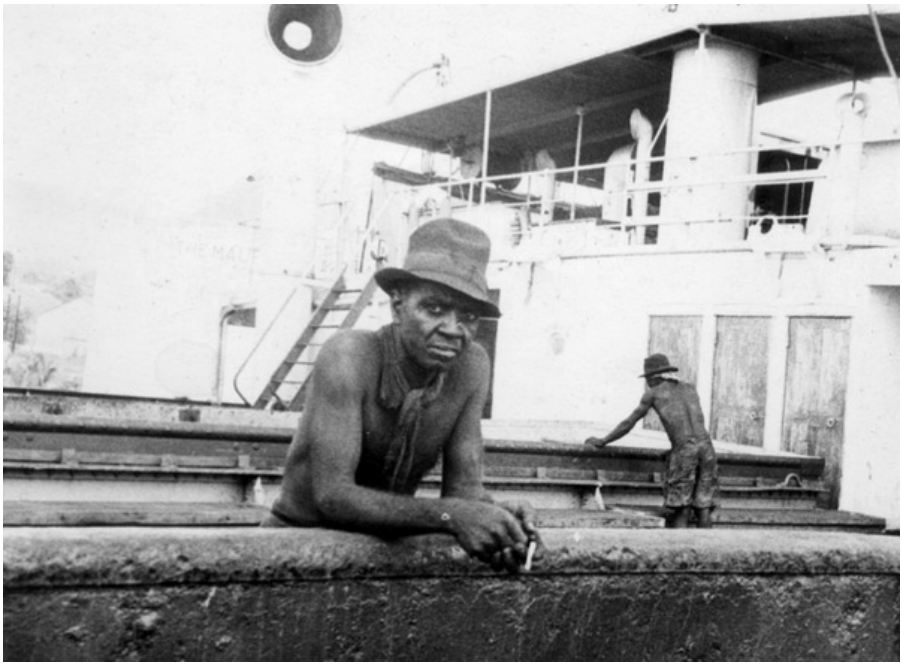
Оказалось, при газете «Московский комсомолец» создано литературное объединение молодых поэтов. Такое же открылось при МГУ. Приходили туда и молодые поэты, донашивающие фронтовые шинели. И такие юнцы, как я. Там читали стихи «по кругу», обсуждали их под руководством часто сменяющихся мэтров из Союза писателей.

Познакомился со многими своими ровесниками. Поскольку я жил в самом центре, они, проезжая мимо, обычно забегали ко мне, и, если мама была дома, она подкармливала каждого. Потом читали друг другу новые стихи.

Так я обрёл вокруг себя много приятелей – поэтов и поэтесс. Но всё равно продолжал чувствовать себя среди них одиноким. Жизнь вокруг была страшной и непонятной.

…Маяковский, Багрицкий, Уолт Уитмен – вот кто были мои истинные друзья. Молодой поэт Владимир Корнилов подбил обменять его однотомник Пастернака на какую–то мою книгу. Так ко мне попало сокровище.

Невозможно было поверить тогда, что со временем буду обласкан Пастернаком, подружусь с мамой Маяковского Александрой Алексеевной.



В девятом классе во время весенних школьных каникул не выдержал затяжной московской зимы. Сбежал из дома в Одессу.

Приключения беглого школьника описаны в моей книге «Навстречу Нике».

Одним из приключений было посещение в порту индийского сухогруза «Джалакендра». Чудом попал на заграничный корабль с молчаливого согласия пограничников.

С борта угрюмо наблюдал за мной полуголый моряк. Навстречу сходил по трапу великолепный капитан Джопиндер Сингх.

На корабле благодаря гостеприимству капитана и команды угостили сигарой, кофе и виски. Запомнилось на всю жизнь!

40

Ярким, солнечным утром проснулся счастливый оттого, что накануне сдал самый трудный для меня экзамен по математике. Оставалось сдать несколько лёгких.

Заложив руки за голову, лежал на постели. Глядел в окно, в голубизну неба.

И вдруг!

До этого мгновения я никогда не интересовался мистикой, религией. Правда, к тому времени наряду с увлечением поэзией пристрастился читать Платона и другие философские книги. Правда, сызмальства было ощущение чьего–то незримого присутствия.

Потрясенный тем, что тогда произошло, я никому ничего не рассказал.

Но с тех пор внутренняя жизнь моя стала странным образом меняться. Отныне со мной всегда была моя тайна.

Лишь через много лет, в 1978 году, во время исповеди перед крещением я робко поведал отцу Александру Меню о том, что тогда случилось.

— К вам приходил Христос, – уверенно сказал он. – Так бывает не только с вами. Иногда Он приходит для поддержки в самом начале пути.

Много позже я решился рассказать всё, как было, в своей книге «Здесь и теперь».

41

В то лето тощую стопочку моих стихов передали прочесть старой поэтессе Надежде Павлович. Когда–то она была дружна с Александром Блоком, другими поэтами «серебряного века».

Если бы я не получил от неё в высшей степени одобрительного письма, у меня, наверное, не хватило бы духа попытаться поступить учиться в Литературный институт. Тогда у мальчишки, только закончившего школу, тем более еврея, не должны были даже принять документы, допустить до творческого конкурса.

А меня допустили, документы приняли. И я стал студентом Литературного института.

К огорчению отца. Который считал, что я должен стать, как он, инженером. Мама была рада за меня. Друзья–приятели завидовали.

А я легкомысленно представлял себе, что уже сделался без пяти минут писателем.

42

Мартовский весенний снежок выпал за ночь на Москву, на брусчатку Красной площади.

Накануне по радио объявили о смерти Сталина. Полагалось плакать.

Я не плакал. У меня к Сталину были вопросы. И я их, будучи старшеклассником, задал ему в письме. Которое хватило ума не подписать.

И вот теперь ранним утром мы с приятелем, получив от солдата по деревянной лопате, сгребали снег на Красной площади. Рядом трудился китайский военный с погонами лётчика.

Нужно было что–то делать. Было чувство, что страна замерла накануне больших перемен.

Мы сгребали снег. В мёртвой тишине над головами раздавался перезвон курантов Спасской башни.

Летом 1953 года я второй раз был направлен институтом на практику в газету «Сталинградская правда».

Первая практика проходила несколькими годами раньше, когда я по заданию редакции оказался в станице Клетская и в силу неожиданных обстоятельств девятнадцатилетним юнцом вынужден был на день возглавить восстание вооруженных казаков. Остановил убийства. Потом на почтовом самолёте «У-2» спасался от въезжающих в станицу моторизованных воинских частей.

Через много лет я написал об этих событиях киносценарий. (До сих пор не поставленный.)

Вторая практика проходила на строящейся тогда Сталинградской ГЭС.

Стою у пульпопровода земснаряда, на котором буду жить с полупьяной командой. Вскоре впервые увижу смерть человека.

Прошел XX съезд, вроде бы наступила «оттепель».

Я продолжал писать стихи, пытался опубликовать их в журналах и газетах. Сейчас я удивляюсь своей наивности. При этом знал: прятаться за псевдонимом никогда не стану.

Писал поэму, которую собирался представить в качестве дипломной работы по окончании пятого курса литературного института. Поэма была о погибшем в сталинских застенках моём ровеснике.

Кроме того, по просьбе студента режиссёрского факультета ВГИКа Бориса Рыцарева написал сценарий учебного фильма.

И вот сижу в уголке павильона, смотрю, как снимают первые кадры. Боря был хороший парень, но я смотрел и понимал, что его увлекает собственная командирская роль режиссёра, техника съемок, а не суть дела.

Поздней осенью жду поезда на маленькой станции рижского взморья. Может быть, это Майори, может, Дубулты.

Закончен институт. Защитил диплом. Поэмы испугались. Пришлось заменить циклом стихов.

В утешение через Союз писателей выдали бесплатную путёвку в пустующий Дом творчества, расположенный под соснами в Дубултах.

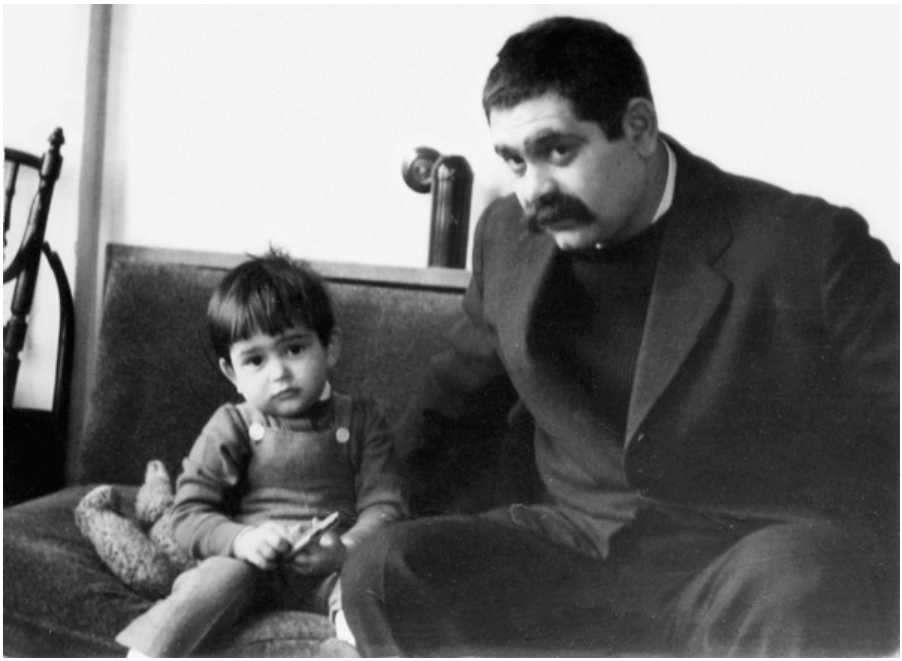
Не сезон. Холодное, пустынное море под серым небом.

Неизвестно, как дальше жить. С дипломом ни на какую работу, даже в газету, даже в провинциальную, не берут – «нет вакансий»…

К этому времени подружился в Москве с писателями старшего поколения – Л. К. Чуковской, Ф. А. Вигдоровой, В. Б. Шкловским. Они с нежностью относятся ко мне, моим нигде не печатающимся стихам. Дарят свои книги.

Шкловский подарил вышедшую ещё до войны интереснейшую книгу «О Маяковском». С такой надписью – «Это книга о трезвых, как Ленин, Маяковский. Этого я не дописал».

Было над чем подумать.



Дружба с этим человеком растянулась на много лет. Христо Нейков – болгарский художник–карикатурист, график. Нас познакомили в трудную для меня пору,

Приезжая из своей Софии, этот добродушный гигант часто останавливался у меня в коммуналке. Стал любимцем и моих родителей.

Я знакомил его с Москвой, её музеями, возил в Троице–Сергиеву лавру.

Однажды, уезжая, Христо подарил мне свою кожаную куртку с меховой подстёжкой. Тепло этой куртки долгие годы как–то по–особому согревало.

Много позже Христо Нейков принимал меня у себя в Болгарии. Познакомился с женой и сынишкой Нейко.

Он стал для меня как брат.

47

Когда я очередной раз был в гостях у Лидии Корнеевны Чуковской, она строго сказала:

— Вместо того чтобы писать стихи, заниматься своим главным делом, убиваете себя безнадёжными поисками работы. Предположим, в конце концов возьмут в какую–нибудь газетёнку, заставят писать статейки, которых сами же будете стыдиться… Поезжайте–ка в Крым, в Коктебель к моей давней знакомой Марии Степановне Волошиной. Вот письмо для неё. Поживёте рядом с вашим любимым морем. Дать вам денег?

Я отказался. Деньги дала мама.

…Всю осень и всю зиму 1958 года прожил в знаменитом Доме поэта на пустынном тогда берегу. Если не писал, ловил рыбу, собирал на пляже выброшенные морем агаты и сердолики. Странствовал среди гор и холмов с дворняжкой Шариком.

Верующая старушка Мария Степановна заставила прочесть Библию. Вместе встретили Рождество. Она же допустила меня к старинной библиотеке Волошина. Впервые прочёл книги М. Булгакова – «Роковые яйца», «Собачье сердце»… И многое другое. Написал поэму «Якоря».

В начале весны узнал по телефону о том, что мама, идя вечером с работы, поскользнулась на льду, сломала кисть руки.

Уговорил её приехать ко мне в Крым, лечиться в санатории.

Для нас с мамой это было счастливое время. Чувствовал ответственность за её здоровье, её жизнь.

Вместе прокатились в Севастополь.

С лета следующего года я всё–таки нашел два способа минимального заработка. Стал ездить внештатным корреспондентом от разных газет и журналов в командировки по СССР.

Начались долгие годы странствий. Куда меня только не заносило. В какие только перипетии не попадал. Слава Богу, бедные мои родители об этом ничего не знали.

Благодаря такого рода кочевьям познавал жизнь моей Родины как она есть от Заполярья до Владивостока. С тех пор у меня сохранилась карта Советского Союза, где красным карандашом отмечены места, в которых я побывал.

В промежутках между поездками получал рукописи романов и повестей в «Новом мире», «Роман–газете», писал внутренние рецензии. Платили мало. Но мною двигал азарт найти в графоманском потоке хоть что–нибудь хорошее. Изредка находил. И тогда приходилось уговаривать редакцию, чтобы опубликовали. Удавалось крайне редко.

В 1959 году издательство «Детгиз» выпускает книжечку моих стихов. Получаю материальную возможность снова сбежать на зиму из своей коммуналки на этот раз не в Крым, а в Сухуми. Перед отъездом сдаю в издательство «Советский писатель» рукопись книги стихотворений – «Над уровнем моря».

В Сухуми на рыбацком причале знакомлюсь с бывшим командиром дивизиона «морских охотников» Георгием Павловичем Павловым. Этот человек стал мне другом, доверил свою шлюпку.

Через насколько лет подарил перед смертью парадную шпагу немецкого адмирала.

Она до сих пор висит у меня над книжными полками.

Несколько зим я снимал то комнатёнку близ сухумского лодочного причала на реке Беслетке, то самый дешевый номер в гостинице «Абхазия».

С утра выходил к причалу. Вставлял вёсла в уключины шлюпки и выгребал из реки в море. Курил трубку, как заправский моряк.

Ставрида, скумбрия, сельдь – вот что обычно ловилось на мой самодур.

Бывало, попадал в шторм со смерчем.

Глядя со стороны, приятели завидовали моему образу жизни. Многие из них были уже женаты, обзавелись детьми. А я всё так же возвращался из своих странствий в коммуналку к родителям. Они работали, старели, порадовать их было нечем.

Я продолжал не брезговать никакой внештатной работой. Как–то осенью в редакции радио, вещающего на заграницу, попросили взять интервью у Б. Л. Пастернака. Которого тогда травили за опубликованный за границей роман «Доктор Живаго».

Я рассказал об этом Лидии Корнеевне Чуковской.

— Он в Переделкино. Поезжайте! – сказала она. – Давно хотела вас познакомить, рассказывала о вас. Возьмите с собой стихи, покажите ему.

Стихи я не взял. Но поехал.

Как принял меня Борис Леонидович, какой счастливый вечер провёл я у него, об этом рассказано в одной из моих книг.

«Владимиру Файнбергу на счастье», – написал он летящим почерком на подаренном мне отдельном издании своего перевода «Гамлета».

Днём позже Лидия Корнеевна подарила любительское фото, где она снята с Пастернаком. Плохонькое фото. Но для меня дорогое.

51

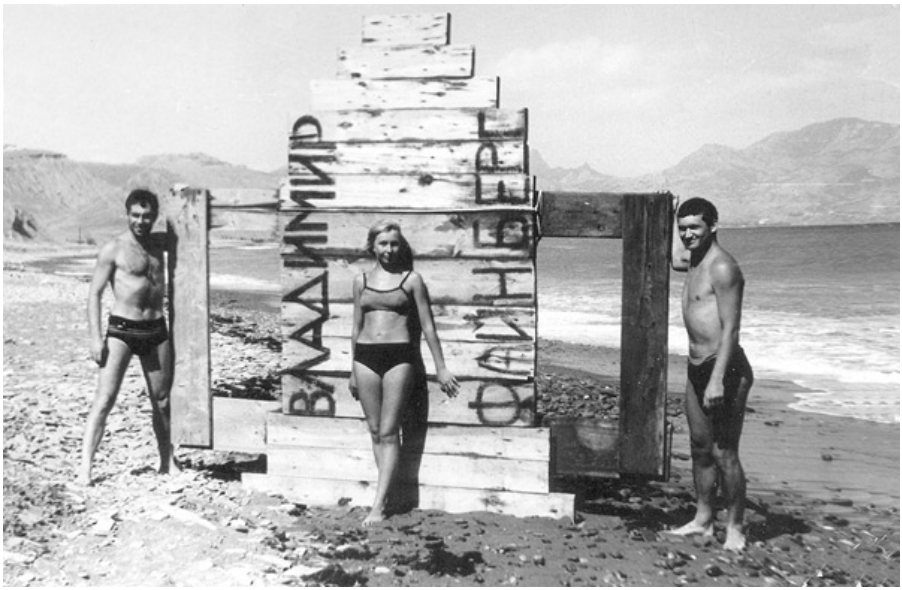
В 1961 году произошли два события, которые, как я надеялся, станут переломными и я обрету хоть какой–то официальный статус. От милиции, пытавшейся обвинить меня в тунеядстве, спасала только моя инвалидность.

Теперь я мог узаконить свои отношения с государством, попытавшись стать членом Союза писателей. Дело в том, что под редакцией Михаила Светлова наконец вышла в свет книга стихов «Над уровнем моря». В «Литературной газете» появилась осторожная, но вполне благожелательная рецензия известного критика.

В этом же году меня неожиданно легко приняли на Высшие курсы сценаристов.

Казалось, наступил конец странствиям.

Нужно было в течение двух лет посещать лекции, смотреть и обсуждать по два–три шедевра мирового кино.



Зная о том, как я привык к морю, как худо мне в Москве без него, компания друзей летом на юге сколотила плот, назвала моим именем и отправилась в плаванье.

Не ведаю, насколько далеко удалось проплыть, но присланные фотографии навсегда остались трогательным памятником нашей дружбе.

Пассажирский пароход «Кулу», перевозивший в сталинские времена заключенных с материка на Камчатку, вёз теперь несколько сотен студенток дальневосточных вузов, отправленных во время летних каникул работать на южнокурильский остров Шикотан. Там в пик путины они должны были трудиться в три смены на консервном заводе – закатывать в баночки сайру.

Лёгкий на подъём, я не пренебрёг случайной возможностью получить длительную командировку. Перелетел из Москвы во Владивосток, взошел по трапу на «Кулу». Я был единственным пассажиром–мужчиной в обществе оробевших девушек.

Через несколько суток плаванья по Тихому океану и Охотскому морю мы высадились на краю света – на Шикотане.

Я прожил там несколько месяцев. О событиях на острове, о том, что пришлось пережить вместе с девушками, – об этом рассказано в опубликованной спустя пять лет моей повести «Свет на вулкане».

Обратно во Владивосток возвращался на том же «Кулу». Команда встретила меня как родного.

…Стою счастливый с двумя штурманами и матросом.

Режиссёр Б. Рыцарев сделал снимок, когда я мёртвым сном спал в нашем номере ялтинской гостиницы.

Он создавал художественный фильм «Валера» по моему дипломному сценарию. В основу этой истории легли впечатления от моих странствий по России.

Я был прикомандирован на всё время съёмок к киноэкспедиции, которая сначала базировалась при ялтинском филиале московской студии им. Горького.

Присутствие моё оказалось лишним. Режиссёр упивался своей властью, к моим робким замечаниям прислушиваться не хотел. Он совершенно не знал той жизни, о которой снимал картину.

Чтобы не доводить дело до открытого конфликта, я решил сам поставить этот фильм. Пусть не на плёнке – на бумаге. Короче говоря, написать повесть.

Пока павильонные съёмки шли в Ялте, я снял напрокат лодку и занялся привычным делом: по утрам ловил рыбу в зимнем Чёрном море.

К весне 1964 года для натурных съёмок экспедиция переехала в Новую Каховку.

Гостиница в Новой Каховке одиноко стояла на самом берегу реки, разлившейся после закованного плотиной Каховского водохранилища на несколько рукавов с поросшими лесом и камышом островами.

За время съёмок я по утрам обследовал на лодке протоки между островами, научился ловить речную рыбу. Днём подвозил к гостинице свой улов, сдавал в ресторан. Когда киногруппа сходилась к обеду, повар торжественно подносил к столу блюдо, полное зажаренной рыбы.

В свободное время сам ставил на бумаге свой фильм – писал повесть. Через несколько лет издательство «Детгиз» выпустило в свет «Завтрашний ветер» – первую мою прозу.

Как–то вдруг обнаружилось – мне идёт четвертый десяток… Прошла половина жизни!

Ни жены, ни ребёнка.

Были влюблённости, были романы. Но всё так же теснился я в одной комнате с родителями, работал ночами на коммунальной кухне.

В ту пору, казалось, всё стало удаваться.

Был принят в Союз писателей. Выходила в свет вторая книга стихов. Киностудия «Мосфильм» заключила договор на киносценарий. Фильм «Валера» прошел по экранам страны. Я получил крупный гонорар, смог внести взнос за двухкомнатную кооперативную квартиру и переехать в неё.

Короче говоря, с точки зрения некоторых людей, стал завидным женихом.

И меня женили.

Этот период жизни – саднящая рана, о которой не хочется вспоминать. Скажу только, что я не смог уберечь родившегося у нас сына от влияния жены и её многочисленных родственников, их рваческой психологии. Это были люди, обуреваемые вечной жаждой урвать какие–нибудь блага. Чего я только не делал, чтобы защитить от этой заразы своего мальчика! Читал ему хорошие книжки, вывозил на природу – на море, на озёра Карелии. Пытался приохотить хотя бы к рыбалке, отвлечь от пошлых идеалов жены.

Ничего не вышло! В конце концов жена, к счастью для меня, подала на развод. Сначала забрала сына. Потом, окончательно изуродовав, выгнала ко мне.

Он вырос. Эмигрировал. Живёт теперь где–то в США.

Тем временем личная драма не могла заслонить того, что происходило вокруг. В магазинах исчезали продукты, мебель. Всё становилось дефицитом. Отец был счастлив, когда как ветеран труда смог купить комплект простынь.

Появились проповедники, вещающие о приблизившемся конце света. Тень термоядерной войны нависала над миром.

Рукописи моих новых книг залёживались в издательствах, расторгались договоры на сценарии.

«Оттепель» явно кончалась. На кухнях диссидентов, в мастерских художников, даже в Союзе писателей шёпотом рассказывали анекдоты о Брежневе, о советской власти.

Как многие в ту пору, я взялся перечитывать сочинения Маркса, Ленина.

Ответов на мои вопросы у них не находилось. Не ясно было, как жить дальше.

И тут я ухватился за предложенную мне возможность снова поступить на Высшие курсы. В этот раз на режиссёрское отделение. Решил, что по окончании учёбы буду снимать художественные фильмы. Таким образом получу материальную независимость и в свободное время стану вольно писать что хочу и как хочу.

…Снова просмотры шедевров, лекции знаменитостей. Слушателей набрали не столько по творческому конкурсу, сколько по разнарядкам из республик. Самых шустрых, отпрысков больших начальников. Чуть не все мои сокурсники считали себя на худой конец будущими Феллини.

Одно время у нас читал лекции Андрей Тарковский. При полной противоположности характеров мы странным образом подружились. Он начал бывать у меня. Вздумал поставить фильм по одному из моих сценариев. Уже договаривался с «Мосфильмом». Уже мы вместе начали дорабатывать сценарий. Но вскоре это дело ему запретили. И Андрей занялся «Солярисом».

А я в соавторстве с другим выпускником снял на минской студии дипломный фильм по чужому сценарию – «Там вдали, за рекой».

И понял, что занялся не своим делом.

Но ложный путь продолжал уводить меня от самого себя. Я был направлен снимать художественные фильмы на Центральном телевидении. Три года проторчал в объединении «Экран», где меня заставляли стряпать фильмы–концерты и прочую чепуху.

Через три года судьба сжалилась надо мной. Я был уволен «по сокращению штатов».

Итак, меня привело к тому месту в моей жизни, где я оказался в пустоте. Не за что было ухватиться. Последние иллюзии развеяны. Стихи, проза, сценарии пробиться за колючую проволоку цензуры не могут.

Лишь читатели моих прежде вышедших книг и мама поддерживали меня. Отец же повторял: «Говорил тебе – нужно было идти в инженеры». Теперь мы жили втроём в моей новой квартире. Родители продолжали работать. Уходили с утра. А я оставался…

Снова, как когда–то, читал и рецензировал чужие рукописи.

Именно в эту пору середины семидесятых годов через друзей и знакомых ко мне во множестве начали попадать творения индийских йогов, западных мистиков и доморощенных целителей, знахарей. В промежутках между чтением чужих производственных романов с изумлением листал эзотерические манускрипты, пытался понять – это вздор или тут таится что–то серьёзное. Собственный опыт говорил о том, что не всё так просто. Возникало множество вопросов, которые некому было задать.

Дело кончилось тем, что однажды я перешагнул порог полуподпольной лаборатории парапсихологии при обществе им. А. С. Попова. Здесь под руководством её заведующего, физика- теоретика, в течение нескольких лет прошел курс тренировок. Участвовал в опытах с растениями, с людьми.

В результате появились первые исцеленные мною больные.

А летом 1974 года по просьбе грузинских археологов нашел ладонью в селе Нокалакеви древнейшее захоронение человека античных времён.

Отныне стал всем нужен. Со всех городов и весей, из заграницы ко мне потекли больные. А также искатели истины. Но мне нечего было им сказать. Я и сам толком не мог понять, что со мной произошло. Знал только: писать по–старому не смогу.

59

Морозным январским утром 1978 года у церкви подмосковной Новой деревни я встретился с человеком, который смог ответить на мои вопросы.

Он горячо поддержал меня как писателя, целителя.

Это был отец Александр Мень.

Двенадцатого июня того же года он крестил меня.

С тех пор двенадцать лет вплоть до его страшной гибели мы дружили. Как братья. Отец Александр часто бывал у меня, ночевал. Познакомил со своей мамой – Еленой Семёновной, доверил лечить от болезней.

В ту пору я писал свою первую большую книгу – «Здесь и теперь». Он постоянно следил за тем, как идёт работа, вселял уверенность в нужности моего труда.

Вместе мы совершили путешествие по Узбекистану. Побывали в Самарканде, Хиве, Бухаре. На следующий год прожили месяц под Дербентом на берегу Каспийского моря.

О том, каким был Александр Мень, я написал воспоминания, выдержавшие много изданий.

…Всё привыкаю и не могу привыкнуть к тому, что приходится жить без него.

Работа над книгой растягивалась на годы. Писать по–старому стало невозможно. Мировоззрение моё в корне изменилось. Новый опыт требовал новых способов выражения.

Я боялся умереть, не успев рассказать обо всём, что со мной стряслось. Был убеждён – ошеломляющий опыт моей маленькой жизни я обязан донести до людей.

При всём том нужно было как–то существовать. И вот как бы сам собой сложился несколько фантастический образ жизни.

Зиму я теперь проводил в Москве. А ранней весной в качестве внештатного корреспондента «Литературной газеты», прихватив папку с рукописью, вылетал в очередную командировку. В Таджикистан, Узбекистан или Туркмению.

Сначала мотался по стройкам высокогорных плотин, научным учреждениям. Собирал материал на очерк.

Потом удирал от всего этого в джунгли «Тигровой балки» или какого–либо другого заповедника. Жил и работал в сторожках уже знакомых егерей. Среди дикого зверья.

Контраст между тем, о чем я писал, и тем, что окружало меня, давал невероятный творческий импульс.

Та девочка, которая в 1917 году ехала на санях с подружками в гимназию и впоследствии дала мне жизнь, так вот та девочка, ставшая моей мамой, умерла в 1980 году.

О трагических обстоятельствах, при которых это случилось, о том, как за день до смерти она выразила желание креститься и как я сам её крестил, написано в романе «Здесь и теперь».

…Мы с отцом остались без нашего земного ангела.

Отец получал свою маленькую пенсию, порывался снова ходить на работу, терял зрение, слабел. Очень стеснялся, когда я помогал ему мыться в ванной.

Теперь, уезжая в очередную командировку, приходилось оставлять его на попечение друзей.

Он пережил маму на пять лет. Умер в больнице, когда меня не было в Москве. Санитарка потом рассказывала, что в последние часы всё звал: «Володя, Володя…»

Хорошие были у меня родители. Не получилось дать им радости…

На много лет мой дом стал для меня лишь базой, откуда я уезжал и куда возвращался.

Отпирал дверь, входил в комнату и видел: над изголовьем тахты среди других семейных фотографий висит особенно дорогое для меня фото – Маяковский положил руку на плечо Пастернака. Фрагмент по моей просьбе выпечатал из группового снимка знакомый кинооператор.

Это были проводы Маяковского за границу.

63

И вот случилось так, что в 1981 году, ещё до перестройки, мне предложили включиться в туристическую группу писателей, отправляющихся в поездку по ГДР.

— Обязательно поезжайте! – сказал мне отец Александр. – Вам необходимо видеть мир.

Так я впервые пересёк границу Советского Союза. Побывал во многих городах Восточной Германии. А в Берлине покурил у самого «железного занавеса» в виду Бранденбургских ворот.

И началось! Судьба неожиданно становилась по–царски щедрой.

Весну 1983 года я встретил в Испании – самой любимой стране. А несколькими годами позже совершил большое путешествие по Египту от Каира до Асуана, переплывал на парусной лодке Нил.

И это оказалось только началом моих зарубежных странствий.

За рубежом, повинуясь инстинкту, каждый вечер заносил впечатления в записные книжки.

Кроме большого романа к концу восьмидесятых годов была написана повесть «Что с тобой случилось, мальчик?». Несмотря на начавшуюся эпоху перестройки и гласности, опубликовать роковым образом ничего не удавалось.

Отец Александр Мень зачем–то забрал у меня машинописный экземпляр романа.

Он и Сонечка Рукова – прихожанка нашего храма – опекали меня как могли. Не давали впасть в отчаяние.

— Ваше дело – писать! – не уставал говорить отец Александр. – Завтрашний день сам о себе позаботится.

Однажды он попросил у меня накопившиеся стихи. Я дал большую пачку. С трепетом ждал – что он скажет?

Примерно через неделю он приехал ко мне, сказал неожиданное: «Это очень мужские стихи. Ничего подобного сейчас никто не пишет».

К тому времени, кроме отца Александра и таких людей, как Сонечка, у меня никого не осталось. Отец Александр так щедро одарил меня своей дружбой, доверием! Казалось, этому счастью не будет конца…

Признаться, до сих пор не могу окончательно понять, почему излечиваются мои больные. Нервничаю. Заставляю исцелившихся пройти окончательную проверку в клиниках. Не хочу прослыть шарлатаном.

Как–то удалось вернуть слух оглохшему болгарскому мальчику. После этого случая родители подобных детей затребовали меня в Болгарию. Отец Александр благословил поехать.

Возили меня из Софии в Пловдив, в другие города. Потом на море – к турецкой границе. Оттуда снова в Софию, где у меня произошла встреча с ближайшей подругой знаменитой Ванги – тоже ясновидящей, бывшей партизанкой. Она многое рассказала о моём будущем. Всё–таки удивительно, потом почти всё сбылось в точности! И не вообще, а буквально. К концу пребывания в

Болгарии я оказался в 70 километрах от Софии – в городке Самокове в гостях у своего давнего друга художника Христо Нейкова.

…Там есть маленький женский монастырь. Чудесный. Монахини с сестринской любовью приняли меня. Угощали, надарили подарков. А я рассказывал им об отце Александре.

На прощанье сфотографировались.

67

Всё лучшее, что было в мире, исчезло. Навсегда.

С убийством отца Александра 9 сентября 1990 года время сломалось.

Что мне было теперь до того, что отец Александр, оказывается, переслал рукопись моего романа «Здесь и теперь» в Лондон и мне там присудили первую премию на каком–то конкурсе?

Я остался сиротой.

…Он был на пять лет моложе меня.

Чтобы хоть как–то спастись от горя, от сиротства, записывал по горячим следам воспоминания об отце Александре.

Тем временем стали названивать, преимущественно по ночам, обещая отправить на тот свет за моим духовным отцом. Я долго терпел.

Осенью 1992 года приятель сказал: «Это плохо кончится. Тебе нужно хоть на время уехать». Он взял на себя все хлопоты.

…В конце ноября я вылетел в Грецию, где у него был совместный морской бизнес с фрахтовщиком из Пирея – Йоргасом.

Йоргас оказался фантастически добрым человеком. Он дал мне денег, вручил ключи от своего старинного дома на каком–то острове, затерянном в Эгейском море.

Меня посадили в самолётик местных авиалиний, и через час полёта я высадился на острове Скиатос.

Без языка. Без единого знакомого человека. В двухэтажном каменном неотапливаемом доме.

Наступила греческая зима. По ночам было холодно. В тёмной комнате на первом этаже я ночевал, завернувшись поверх одеяла в ковёр. Утром поднимался по наружной лестнице на второй этаж, где в светлой комнате можно было работать.

В течение той зимы написал «Все детали этого путешествия»,

большую часть романа «Скрижали», множество стихов.

Немногочисленное население острова несомненно обратило внимание на меня – единственного чужеземца. В местной церкви, на улочках кивали, здоровались. И это лишь подчеркивало моё одиночество.

В ночь на новый, 1993 год я сидел один в верхней комнате перед бокалом вина, когда без десяти двенадцать услышал чьи–то шаги по наружной лестнице. Кто–то робко постучал.

Я отпер дверь. И увидел забрызганную дождём пожилую женщину с накрытой фольгой тарелкой в руках. Под фольгой оказались греческие пирожки с корицей и орехами. Ещё горячие. Из чего следовало, что она живёт где–то по соседству.

Ни за что не хотела переступить порог. Из ответов на расспросы смог разобрать, что её зовут Мария, что она действительно живёт где–то рядом и поздравляет с Новым годом.

Так у меня на острове появился первый знакомый человек.

Умение ловить рыбу очень мне пригодилось.

По утрам на закидушку ловил с пустого пирса незнакомых средиземноморских рыб, что давало существенную экономию средств.

Со временем хозяин находящегося на набережной бара «Неос космос», с грохотом открыв стеклянную дверь, стал призывать меня выпить с ним стопку виски.

Кажется, от него я узнал, что на острове есть некто Никос – зубной врач, знающий русский язык.

Через несколько дней этот Никос пришел ко мне. Русский язык знал он через пень колоду, но всё равно было счастьем говорить с ним на родном языке.

Никос оказался в высшей степени сердечным парнем. Немедленно притащил два электрических обогревателя – для нижней и верхней комнаты, по вечерам забирал в гости в свою семью, перезнакомил чуть не со всеми обитателями острова.

Наша дружба жива до сих пор.

Наступила ранняя греческая весна. Пора было возвращаться домой, в Москву.

На корабле доплыл до одного из ближайших портов материка, где меня встретил Йоргас. Первым делом я отдал ему ключи от дома. И мы поехали на машине в Афины.

Богач Йоргас поселил меня в отеле «Президент», где я прожил несколько недель, знакомясь с греческой столицей, её музеями. Совершил путешествие на Парнас, побывал на южных островах. И всё думал об уникальном опыте своей жизни последних месяцев, как бы оглядывался на людей, покинутых на Скиатосе. Этот опыт взывал к воплощению.

Чем я и занялся, прибыв в Москву.

Результат – роман «Патрида», прибавившийся к другим неопубликованным моим романам. Хотя, впрочем, за год до поездки в Грецию издательство «Советский писатель» всё–таки выпустило «Здесь и теперь» пятнадцатитысячным тиражом.

72

1993–й был годом бурных политических событий. Особенно в Москве. И я никак не мог предположить, что именно в это время кипения митингов–демонстраций в один воистину прекрасный день ко мне нежданно–негаданно явятся два человека – муж и жена, Миша и Люба, с предложением издать все мои ещё не опубликованные произведения! Пятидесятитысячным тиражом каждое.

Ещё не веря в осуществимость этой затеи, я, конечно же, согласился.

И очень быстро книги были изданы. Мало того, вдогонку я собрал томик стихотворений – «Невидимая сторона».

Сам видел, как работницы отдела распространения день и ночь паковали пачки моих книг, чтобы рассылать их по заказам читателей.

И началось! Со всей страны полетели ко мне письма.

Чудеса этим не закончились.

В сентябре того же года с группой православных верующих я ехал через всю Европу во Францию – в знаменитую католическую общину Тезе. По пути побывал в польском Вроцлаве, в Нюрнберге.

На вторые сутки пребывания в Тезе я сбежал – купил билет на поезд и к вечеру вышел на Лионском вокзале в Париже.

Остановившись у знакомых эмигрантов, прошлялся неделю в этом действительно прекрасном городе. А потом несколько дней был гостем настоятеля монастыря в парижском пригороде – Медоне, ждал прибытия автобуса со своими попутчиками.

То, что я увидел и пережил во время этой поездки, в дальнейшем стало материалом повести «Про тебя».

Одно за другим продолжали происходить чудеса. Мои больные исцелялись. Читатели искали мои книги. Исчезло чувство одиночества, угнетавшее меня всю жизнь.

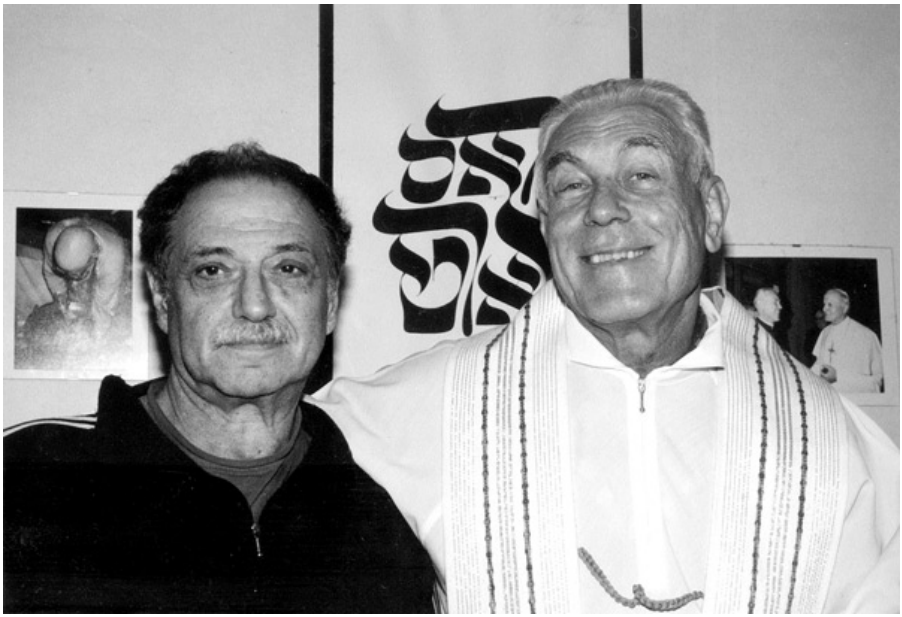
Я мог бы считать себя счастливым, если б не кровоточащая, незаживающая рана: мир для меня опустел после убийства отца Александра Меня.

Всерьёз подозреваю, это он с того света продолжает молить за меня перед Христом. Ещё одно ошеломляющее доказательство тому – появление в моей жизни Марины.

Оказалось, её фамилия – Мень! Она на 31 год моложе меня. Умница. Ни на кого не похожа.

Неисповедимым путём оказываемся вместе в Италии, совершаем большое путешествие по стране.

Потом венчаемся в батюшкиной церкви в Новой деревне.



Дон Донато Лионетти – настоятель католического храма в приморском южноитальянском городке Барлетта – часто бывал в Москве, знал русский язык. Он был знаком с Мариной. Она познакомила его со мной.

Мы подружились. Некоторое время дон Донато жил у меня, с восторгом читал книги отца Александра.

Пригласил нас с Мариной к себе. Устроил нам целый тур чуть не по всей Италии. Его друзья передавали нас с рук на руки. Неаполь, Рим, Венеция, Флоренция – вот лишь часть мест, где нам повезло пожить в семьях гостеприимных итальянцев.

А потом, когда вернулись в Барлетту, нам было подарено море.

…Однажды утром, плавая на спине, я увидел в небе то, что принято называть НЛО.

Огромная голова священника склонилась над ней, как земной шар.

Не плакала во время крещения.

Мы назвали дочь Никой. Она родилась 1 февраля 1997 года. И я вдруг осознал, что мне уже шестьдесят семь лет… Неужели это я – мальчик Володя – должен считаться теперь стариком?

Так хотелось дожить, увидеть, как наша девочка встанет на ножки, начнёт ходить, бегать. Пойдёт в школу.

Я знал, шансов у меня мало.

Свалившиеся с неба издатели практически не заплатили мне денег.

Выпустив книги, растворились в небытии. Таков стиль теперешнего лихого времени.

Однако телефонные звонки, электронные и обычные письма продолжают и продолжают поступать. То этот прилив читательского внимания нарастает, поднимая меня, то начинает спадать.

А я продолжаю работать.

Критика не заметила моих книг. Я, что называется, нераскрученный автор. И слава Богу! Есть особая, тайная радость в том, чтобы творить в безвестности.

Но когда очередное произведение окончено, начинаешь

мучительно думать о том, как его выпустить в свет. И тут ниоткуда появляется очередной читатель с деньгами на издание книги.

Так в последние годы, договорившись с типографией, я сам издал свои книги – «Навстречу Нике», «Словарь для Ники», «Карта реки времени». Поневоле познаю счастье независимости от редакторов и цензоров, чуждых мне вкусов.

Очень поддерживают друзья. Особенно дорожу дружбой с братом покойного отца Александра – Павлом Менем.

77

Сперва самолётом. Потом поездом, и не куда–нибудь, а на юг Италии. С мамой и папой к дону Донато.

В три с половиной года всё впервые. Самолёт, поезд. Море за окном вагона.

Поневоле смотрел на мир глазами моей Ники.

Донато открыл нам Италию. Благодаря ему пять или шесть раз приезжал я в Барлетту. Вдосталь плавал, много работал, путешествовал.

«Папа, смотри, чтобы тебя не съела акула», – тревожилась Ника.

Дорогой читатель! Я старался не писать в этой книге о катаклизмах, потрясших страну, о политике, суровых буднях, когда порой нечем заплатить за квартиру. Ты и сам всё это пережил.

…Акула меня не съела. Болезни пока что не отправили на тот свет.

Спасибо судьбе за всё.

Маленький документальный фотофильм на бумаге, каким является эта книга, кончился неожиданно. Для автора. Как неожиданно зачастую кончается жизнь.

Но так у меня происходит с каждой новой книгой.